

Валерий Вепринский

Две

судьбы:

**Константин Авксентьевский
Мария Бочкарёва**

1275019

Вологодский губвоенком К.А. Авксентьевский принимает военный парад в Вологде 7 ноября 1918 года.

Захват танков под Каховкой армией Авксентьевского.
(С картины И. Владимирова).

Предисловие

Я взялся за перо в сложное и тяжелое время:

“Болят у меня Россия
Лекаря мне не найти”.

Созданное десятилетиями нецивилизованно разрушается. Кто и когда создаст нечто новое, лучшее не ясно.

“И в мире нет истории страшней,
Безумней, чем история России”.

Междоусобная борьба удельных князей привела Русь к кровавому татарскому игу. “Смутное время” начала 17-го века породило военную интервенцию в Россию. Братоубийственная война в начале 20-го века, завершившаяся торжеством новой социальной системы, унесла много жизней россиян. Революция безжалостно пожирает не только своих врагов, но и своих детей. Не только короля Франции Людовика XVI и королеву Марию Антуанетту обезглавила дьявольская гильотина - детище Великой Французской революции, но и почти всех ее вождей: Робеспьера, Дантона, Сен-Жюста...

Жуткой июльской ночью “боевого восемнадцатого года” в полуподвале особняка на окраине Екатеринбурга мученическую смерть принял последний ^{русский} император Николай II и его семья.

И как историческое возмездие тоже в муках впоследствии погибли почти все вожди Великой Октябрьской социалистической революции. Зло порождает зло.

В ледяных водах Ангары нашло приют тело, расстрелянного красными белого адмирала Александра Колчака. Труп генерала

Лавра Корнилова, погибшего при неудачном штурме Екатеринодара после отступления Добровольческой армии, был изъят красными из могилы, привезен в Екатеринодар и после безуспешных попыток повесить на дереве, изуродован до неузнаваемости и сожжен на бойне. Где могилы трех из пяти первых маршалов Советского Союза: Михаила Тухачевского, Александра Егорова, Василия Блюхера и многих тысяч генералов и офицеров, расстрелянных по указанию Сталина, мы никогда не узнаем.

А бывший грозный “вождь Красной Армии” Лев Троцкий, в свое время угрожавший человечеству: “Если мы уйдем, то так хлопнем дверью, что весь мир содрогнется”, испустил дух в далекой Мексике от удара ледорубом по черепу, нанесенным Героем Советского Союза Рамоном Меркадером.

Семьдесят лет мы смотрели на историю гражданской войны политическим оком: на Красную Армию через розовые очки, на белую - через черные. Теперь есть тенденция поступать наоборот. Тенденциозность в исторической науке недопустима - антинаучна. Наша история состоялась. Ее невозможно ни отменить, ни изменить. Гражданская война, как бы мы к ней не относились, имела героев по обе стороны фронта. О двух из них - наших земляках Константине Авксентьевском и Марии Бочкаревой, по-разному понимавших свой патриотический долг перед Россией, и поэтому оказавшихся во враждующих лагерях рассказывает эта книга.

“История предков всегда любопытна для того, кто достоин иметь отечество”.

К этим справедливым словам Николая Карамзина уместно добавить одно: и поучительна.

Болезнь помешала мне переработать рукопись, дать ссылки на источники. Чтобы не пропал уникальный материал о К. А. Авксентьевском, который я собирал тридцать лет, вынужден его опубликовать. Идея книги актуальна - нельзя допустить новой гражданской войны. Россия не выдержит.

Константин Авксентьевский

Августовским днем 58-го года я ехал на троллейбусе по многолюдной Москве. Потом долго трясся на стареньком трамвайчике. Сошел на конечной остановке "Донская площадь". Поблизости серое каменное здание с высокой квадратной трубой - крематорий. Из трубы струился сизый дым - мощная электрическая печь приняла в раскаленные объятия очередное человеческое тело, чтобы превратить его в кучку серой золы. Это не по-русски, не по-христиански...

В конторке я обратился к женщине средних лет. Она ответила на мой вопрос вопросами:

- Фамилия, имя, отчество кремированного?
- Авксентьевский Константин Алексеевич.
- Место рождения?
- Село Старый Кунож Тотемского уезда Вологодской губернии.
- Дата рождения?
- 18/30 сентября 1890 года.
- Дата смерти?
- 2 ноября 1941 года.

С помощью толстой регистрационной книги женщина нашла искомое и, написав на листочке номер колумбария, секции и ниши, протянула его мне. Поблагодарив за услуги, поинтересовался:

- Вы знаете, что этот человек был видным советским военачальником, героем гражданской войны, кавалером трех орденов Красного Знамени, ближайшим боевым соратником Фрунзе, членом ЦИК СССР?

- Нет, - с удивлением ответила она.

Колумбарий - каменная стена с нишами размером с форточку. В нишах, прикрытых остекленными дверцами, урны с прахом. В интересовавшей меня нише № 498 оказалось три сосуда: белая керамическая урна, банка из оцинкованного железа, изготовленная кустарным способом, и жестяная коробочка. Через проржавевшее в стенке отверстие виднелась пористая косточка...

Я знал, что мать Авксентьевского по-деревенской привычке пила чай вприкуску и хранила мелко наколотые кусочки сахара в коробочке из-под чая. Бывало, когда садились за стол, Константин Алексеевич шутил:

- Опять Анна Дмитриевна со своим сахарком.

- Да полно тебе, Костя, - отмахивалась старушка.

Анна Дмитриевна просила, чтобы ее прах покоился в коробочке из-под чая. И вот я вижу ту самую коробочку и кусочек кости Анны Дмитриевны... "И снова стало мне не по себе". Я знал, что в колумбарии хранится и прах мужа сестры Авксентьевского, умершего после Отечественной войны.

Авксентьевского хоронили осенью трагического сорок первого года, когда немцы подходили к Москве. Хоронили не как военачальника - как частное лицо. На похоронах присутствовали только жена, сын и еще два человека. Мне думается, что прах его был помещен в самодельную урну - это больше соответствовало суровым реалиям тех дней.

* * *

Большой Тишинский переулок сохранился почти в первозданном виде, хотя и расположен минутах в пятнадцати ходьбы от главной магистрали столицы, улицы Горького (теперь опять Тверская).

Дом № 17 каменный, двухэтажный, если снаружи требовал косметического ремонта, то интерьер его нуждался в капитальном. Я не мог представить себе, что в "москве-красавице" может быть такое жилье. Особенно удручал подъезд: стены почернели от грязи, электрошнур провис.

Открыла мне дверь женщина лет семидесяти, скромно одетая. Она занимала две крохотные комнаты на общей с соседкой кухне. Убогому состоянию здания соответствовала убогая обстановка комнат. Лишь туалетный столик из красного дерева да два больших настенных фототортрета в тяжелых рамках напоминали, что когда-то они были в другом, лучшем доме.

С одного портрета смотрела гордая, красивая дама, похожая на Зинаиду Райх, жену Сергея Есенина. У нее была, по моим комсомольским понятиям, шикарная "буржуазная" прическа и "пережитки капитализма" - богатые серьги.

Так выглядела в молодости та самая седеющая женщина, стоявшая передо мной. Это была Надежда Митрофановна Авксентьевская, вдова Константина Алексеевича. Ее первый муж - офицер русской армии - погиб то ли в первую мировую войну, то ли в гражданскую.

В 1924 году она (у нее был сын) работала секретарем-машинистской в Полтавском казначействе. Однажды возле штаба стрелкового корпуса встретила мужчину средних лет в военной форме с двумя орденами Красного Знамени. Они с интересом посмотрели в глаза друг другу, а разойдясь, оглянулись.

Придя в штаб, военный - это был командир корпуса Авксентьевский - сообщил адъютанту приметы женщины и приказал навести о ней справки. Вскоре подруга Надежды Митрофановны, работавшая при штабе, выступила в роли свахи:

- У нас командует корпусом человек невысокого роста, но высокого полета. Его очень любят в армии. Он холост. Почему бы вам не познакомиться с ним?

Надежда Митрофановна согласилась и опять через подругу получила приглашение комкора "на банкет".

У каменного особняка, утопавшего в зелени большого фруктового сада, их поджидал человек, случайно повстречавшийся Надежде Митрофановне у штаба. В особняке было много почти пустых комнат. В одной - стол, покрытый вместо скатерти простыню с разной снедью.

Надежда Митрофановна, прощаясь с провожавшим ее до дома Авксентьевским и глядя на его майку-сетку, заявила:

- Больше не одевайте ее?
- Почему? - удивился Авксентьевский.
- Я не люблю штатских.

Она была, наверное, права. Внешне Авксентьевский производил впечатление человека, самой природой созданного для суровой военной жизни: коренастый, с генеральской осанкой, твердой походкой. Волевой подбородок, орлиный нос, пристальный взгляд "стальных" глаз придавал лицу строгое выражение.

Прекрасно сидевший на нем военный мундир подчеркивал и атлетичность фигуры. Штатский костюм ему не шел. В нем он казался увальнем, напоминавшем сельского кузнеца...

Они стали встречаться, разговаривать по телефону. При очередной встрече Надежда Митрофановна сказала:

- Больше мне не звоните.

- Это почему? - насторожился Авксентьевский.

- Мой начальник запрещает мне пользоваться телефоном в рабочее время...

Дело было вовсе не в "рабочем времени". Молодой управляющий имел свои виды на красивую секретаршу. Авксентьевский ответил кратко:

- Хорошо.

А спустя день управляющий банком, к великому удивлению Надежды Митрофановны, сам любезно пригласил ее для телефонного разговора с командиром. Вскоре они поженились. Все личное имущество жениха помещалось в чемодане, где с парой нательного белья соседствовали красные шаровары, красный башлык и кубанка с красным верхом - атрибуты "Почетного красного гусара" Авксентьевского.

* * *

Днями я работал на Большой Пироговской в Центральном государственном архиве Советской Армии. Просматривал пожелтевшие документы времен гражданской войны. Вечерами "допрашивал" Надежду Митрофановну:

- В архиве имеется записка члена Реввоенсовета Туркестанского фронта, Кузьмина, командующему фронтом Авксентьевскому. Речь идет о какой-то истории, связанной с конем Константина Алексеевича.

- Да, - оживленно ответила Надежда Митрофановна, - была попытка украсть коня из конюшни. Константин Алексеевич часто разъезжал по фронту, округу. Мы даже боялись оставаться одни. Наш дом, к которому примыкал большой фруктовый сад, не охранялся, а воров в Ташкенте было много...

Но большинство моих вопросов было связано с фотоальбомом Авксентьевского. Альбом в черном коленкоровом переплете был огромных размеров и содержал не менее сотни снимков. Создавал его Ростислав Александрович Пекутовский, состоявший при командующем "для особых поручений". Этот альбом - своего рода послушной список Авксентьевского в фотографиях. Пекутовский в хронологической последовательности наклеивал на картонные листы фотографии, отражавшие службу Авксентьевского в Красной Армии с 1918 до 1931 года, наклеивал добросовестно,

не жалея клея. И моя попытка взглянуть на обратную сторону одной фотографии, предпринятая, разумеется, с позволения Надежды Митрофановны, к сожалению, не увенчалась успехом. Фотография была приклеена “намертво” - отделить ее от листа без повреждения было невозможно.

О Пекутовском следует сказать еще несколько слов не только потому, что он учился вместе с Авксентьевским в Тотемской учительской семинарии.

В 1918 году до Вологодского губернского военного комиссара Авксентьевского дошел слух, что в Котласе с “профилактической” целью арестована группа офицеров. В чрезвычайной обстановке гражданской войны и военной интервенции им, по-видимому, грозил расстрел.

Прибыв в Котлас, Авксентьевский предложил бывшим офицерам русской армии служить в Красной Армии. Среди изъявивших такое желание оказался и Пекутовский. В трагическом 37-м Пекутовский “побывал в гостях у Николая Ивановича”, и только благодаря смелости жены Полины Михайловны, добившейся аудиенции у Ежова, уцелел.

Я встречался с ним - уже полковником в отставке. Ростислав Александрович был довольно бодр и жизнерадостен для своего семидесятилетнего возраста. Даже сохранил чувство юмора.

* * *

Надежда Митрофановна сохранила ордена Константина Алексеевича и грамоты к ним, его мандаты (члена ВЦИК, ЦИК СССР, ЦК Компартии Узбекистана) и некоторые предметы, связанные с его воинской службой: печать для сургуча с надписью: “Командующий Средне-Азиатским военным округом Авксентьевский”, папку, портфель с изображением двух орденов Красного Знамени, географические карты. Эти ценные реликвии я привез в Вологду и передал в областной краеведческий музей. Два послужных списка Авксентьевского (в одном “прошнурованных, пронумерованных и печатью припечатанных шесть полулистов”) были подарены мне.

А оружие - его, по словам Надежды Митрофановны, “был сундук”, - наградную золотую шашку, пистолеты и еще что-то - она не решилась держать дома и сдала... в милицию. Походная кушетка Наполеона, залившего кровью Европу, находится в Государственном Историческом музее. На Европейском аукционе продана за большие деньги его сабля. Золотая шашка

Константина Авксентьевского и золотая сабля Марии Бочкаревой могли (и должны были!) стать экспонатами музея. Могли бы, но... Когда же мы научимся цивилизованно относиться к атрибутам своей истории?

* * *

Полтора года шагал по фронтовым дорогам Восточной Пруссии и Галиции рядовой Константин Авксентьевский. Далеко позади осталось село Несвойское Вологодского уезда, где он работал учителем. Нелегки фронтовые будни солдата, даже обозника. В непогоду, по раскисшей земле ковыляли двуколки с военным скарбом. На дымных, чуть теплившихся кострах обозники сушили насквозь промокшие шинели. Потом долго тянулся эшелон на Север. Теплушка, набитая солдатами, пропахла махоркой. Монотонно стучали колеса. Кругом лежала огромная страна, покрытая снегом. Авксентьевский видел однообразную картину: эшелоны, эшелоны, на фронт с новобранцами, с фронта - с ранеными. И его - фронтового солдата - не мог не волновать вопрос о судьбе своей Родины. Война обострила кризис самодержавия. А газеты кричали о войне до победного конца, о бесславной гибели Григория Распутина - сибирского шарлатана, дерзко приблизившегося к трону. Во Владимирском пехотном училище, куда был зачислен Авксентьевский, и где его застала весть о Февральской революции, срок обучения ускоренный - всего 4 месяца.

Недолго командовал ротой молодой прапорщик Авксентьевский. Неожиданно последовал приказ о переводе из-под Петрограда в глухой уездный городок Торжок на должность начальника офицерских пулеметных курсов. Здесь еще тихо, но отзвуки бурно развивавшихся событий доходили и до провинции, заставляли определить свою политическую позицию. Августовские события 17-го года всколыхнули размеренную жизнь курсов. К Авксентьевскому явилась возбужденная группа офицеров. Они не просили, требовали от него, как от "честного русского офицера", быть с Корниловым. Они были готовы сейчас же двинуться с пулеметами на Петроград, куда бросил конный корпус мятежный генерал. В этот ответственный момент подпоручик Авксентьевский, опираясь на революционно настроенную часть гарнизона, твердо встал на сторону революции, подписал приказ: "Корнилова не поддерживать!" Авксентьевский сблизился с большевиками. В памятный день

27 октября 1917 года он, по указанию Новоторжокского партийного комитета, повел команду пулеметчиков, чтобы овладеть важнейшими объектами города: вокзалом, почтой, телеграфом, банком. В Торжке победила советская власть. В эти дни Авксентьевский стал коммунистом.

Еще один день в биографии Авксентьевского занимает особое, определяющее место.

В этот день ему было суждено встретиться с Михаилом Васильевичем Фрунзе, чтобы впоследствии стать ближайшим (и любимым!) соратником великого полководца.

В декабре тяжелого восемнадцатого года вологодский губернский военный комиссар Авксентьевский перед строем войск отдал первый рапорт Ярославскому окружному военному комиссару Фрунзе. Вологодский гарнизон по своей численности и организованности произвел на Фрунзе "самое отрадное впечатление".

"В этой чрезвычайно сложной и тяжелой по тому времени работе, - вспоминал впоследствии Фрунзе, - ярко выделился по своей энергии и организаторским способностям тов. Авксентьевский. Оставляя в конце 1918 года округ, я выдвинул его, как лучшего из губвоенкомов (в Ярославский военный округ в то время входило восемь губерний - В. В.), своим преемником".

А спустя четыре месяца, весной грозного девятнадцатого года Авксентьевский принял от командующего Южной группой войск Восточного фронта Фрунзе командование 4-й армией, противостоявшей Уральской армии генерала В. С. Толстова. Вернее, армии, как таковой, пока еще не было. Были изрядно потрепанные отряды, разбросанные по Уральской степи от Шипова до Саратова, да блокированный в Уральске 3-х тысячный гарнизон 22-й стрелковой дивизии А. П. Сапожкова. В тылу армии мятежи. Но, 28-летний командарм, прошедший первую мировую войну обозным солдатом и постигавший мудрость "Науки побеждать" в четырехмесячной школе прапорщиков, чувствовал себя очень уверенно. Через четыре дня командования, 12 мая 1919 года, он уже докладывал от имени Революционного военного совета армии члену Реввоенсовета Южной группы войск Восточного фронта В. В. Куйбышеву: "Проделана громадная организационная работа по созданию штаба армии, можно сказать не существовавшего, и по налаживанию прочной связи с раскиданными на большом фронте мелкими и не имеющими определенной организации отрядами. Мы уже успели в

достаточной степени взбудоражить саратовскую обывательщину. Экстренно проводим мобилизацию и основание бригады. Примерно полторы тысячи штыков отправлены на фронта...”

В Саратове на Царицинской в штабе армии, разместившемся в здании женской гимназии, день и ночь трещали телеграфные аппараты... Солидные “военспецы”, бывшие полковники Генерального штаба почтительно вытягивались перед молодым человеком в кожаной куртке. Энергия и задор били в нем через край... И стрекотали старые “юзы”, отбивая на узких бумажных лентах распоряжения командарма. А он подолгу не задерживался в штабе. Его можно было видеть на мобилизованном пункте или на красноармейском митинге. Его пламенные слова-напутствия доходили до солдатских сердец:

“Вы имеете возможность постоять за землю, которая не только поливалась потом, но и кровью ваших отцов, дедов и прадедов. И слишком тяжело будет ваше преступление перед вашими детьми, которые будут проклинать вас, если вы сейчас не сможете отстоять свою свободу, землю и лучшую долю. Докажите преданность молодой советской Родине, так много давшей вам за столь короткий срок!”

С заседания губисполкома Авксентьевский спешил на вокзал, чтобы встретить бойцов коммунистической роты, прибывших по его вызову из далекой Вологды.

...В середине мая Фрунзе направил в 4-ю армию пополнение. Но стрелковая бригада и два полка, двигавшиеся с севера на Уральск, подверглись нападению казаков, понесли значительные потери и отступили. Одна, поступившая в армию бригада, имела всего 1200 штыков, а кавалерийская дивизия - боееспособным лишь один полк - не хватало лошадей. Используя местные ресурсы, Авксентьевский сумел уже к концу мая сформировать три полка. Армия обрела способность наступать.

С целью “разбить главные силы противника, действующие западнее Уральска”, Авксентьевский создал ударную группу в 4000 штыков и сабель при 20 орудиях и 1-м бронепоезде. На железнодорожную станцию Шипово, что в 80-ти километрах к западу от Уральска, потянулись эшелоны с войсками, оружием, боеприпасами, продовольствием. Для удобства управления войсками командарм с оперативной частью штаба специальным поездом из пяти вагонов прибыл на станцию Алтата (село Дергачи), находящуюся на полпути железной дороги Саратов - Уральск.

Герой Гражданской войны полковник в отставке Василий Федотович Наумов - богатырского сложения, очень спокойный, - вспоминая грозные события тех далеких дней, рассказывал мне:

- Меня - командира 65-ой стрелковой бригады вызвали на совещание в поезд командарма. Авксентьевский представил собравшимся командира Шиповской группы бывшего полковника Михайлова, который ознакомил нас с планом предстоящего наступления. При обсуждения я внес предложение несколько изменить направление движения левой колонны. Авксентьевский поддержал меня:

- Товарищ Наумов хорошо изучил местность и тактику казаков. Советую учесть его замечание.

Михайлов вспылил:

- Если здесь есть человек, который хорошо знает и местность и тактику, то зачем Реввоенсовет назначил меня начальником группы?

Авксентьевский спокойно, но твердо ответил:

- Сказанное мною считайте приказом.

- Слушаюсь! - вытянулся Михайлов.

Доставить в осажденный Уральск приказ о наступлении Авксентьевский поручил секретарю Аникину (своему шурину - брату первой жены, тотьмички Лидии Дмитриевны).

“- За железной дорогой в поле возле элеватора, - рассказывал мне Владимир Дмитриевич, - стоял старенький двухместный английский самолет “Сопвич”. Летчик привязал меня к креслу ремнями. Но, как только зашумел двигатель, меня охватило такое недоброе предчувствие, что я закричал:

- Не полечу, отвязывай!”

Сердито выпроводив меня из кабины, летчик взял пакет. Самолет поднялся, пролетел метров 200, грохнулся о землю и обломил крыло. Пилоту своротило челюсть. Другой летчик на одноместном самолете выполнил приказ командарма... Я держал в руках пакет, доставленный по воздуху в блокированный Уральск (он хранился в Центральном государственном архиве Советской Армии). Может тот самый, что не смог доставить невезучий фельдегер?

...30 июня в 21 час, когда спала жара, загрохотали батареи, орудия бронепоезда, и войска Шиповской группы тремя колоннами начали наступление. Командарм лично вводил в бой полки. Отчаянно сопротивляясь, казаки прибегали к коварству. Когда войска левой колонны пошли в атаку, противник поднял

белый флаг. Но стоило красноармейцам приблизиться к окопам - открыл пулеметный и ружейный огонь. Атака захлебнулась. Стоявший на командном пункте у подножия сопки рядом с Авксентьевским комбриг Наумов, вскочил в седло, повел бойцов в атаку и позиция белых была взята. Авксентьевский расцеловал героя:

- Представляю тебя **№** ордену Красного Знамени!

“Враг упорно сопротивлялся, то сдавая, то вновь захватывая позиции, - свидетельствует в книге “Воспоминания и размышления” маршал Г. К. Жуков, - участвовавший в этой операции, - белые превосходили нас численностью войск. Помню отчаянную рубку недалеко от станции (Шипово - В. В.). Нас атаковали казаки силой примерно восемьсот сабель. Когда они были уже совсем близко, из-за насыпи выскочил скрытый там наш эскадрон с пушкой. Артиллеристы - лихие ребята - на полном скаку развернули пушку и ударили белым во фланг. Среди казаков - полное смятение. Артиллеристы метким огнем продолжали наносить врагу большие потери. Наконец, белые не выдержали и повернули назад”.

В трехдневных кровопролитных боях 30, 31-го мая и 1-го июня Вологодский стрелковый полк (командир Д. И. Чечулин), преодолевая засады и яростные фланговые кавалерийские атаки белого казачества, имевшего десятикратное численное превосходство в кавалерии, с боем занял станцию Деркул. И почти одновременно Ярославский полк во главе с Авксентьевским взял хутор Зеленый. В этом бою командарм убил казачьего офицера.

Строчки, напечатанные на телеграфном бланке три четверти века назад, нельзя читать без волнения.

“Вологда, губком ВКП(б), 3 июня 1919 года. Сформированный мною в два дня из Вологодской роты коммунистов Вологодский стрелковый полк, лично мною введенный в бой через один день по формированию, проявил высокую степень боевой упругости, захватив совместно с Ярославским и Саратовским полками ряд укрепленных позиций казачьих станиц. Несмотря на трехдневный непрерывный бой и сильное сопротивление противника, полк продолжает наступление. Отдельные товарищи-вологодцы как, например, Куницкий Александр, не желая сдаваться в плен, будучи окруженными десятками конных казаков, покончили жизнь самоубийством. Отмечая указанный фланг, шлю привет по поручению полка вологодскому

пролетариату и крестьянству. Вторично прошу пополнения и полковое знамя. С коммунистическим приветом

Командарм-4 Авксентьевский”.

...Поезд-паровоз с одним товарным вагоном - остановился близ фронта. По сходням, выведя из вагона обладательницу золотой медали кобылицу Венеру - подарок вологжан - Авксентьевский поднялся в седло и поскакал в деревню, в штаб Вологодского полка. С пригорка казачья батарея открыла огонь по поезду. Авксентьевский вернулся, посадил сзади себя секретаря и под обстрелом прибыл в деревню. И тут рядом разорвался снаряд. Взрывная волна сорвала с Авксентьевского папаху. Он, смеясь, погрозил казакам кулаком:

- Вот, вам, черти!

Чечулин доложил командарму, что бои становятся ожесточеннее, потери убитыми и ранеными составили более половины полка и попросил помощи.

Попытка войск Шиповской группы взять сильно укрепленный хутор Чернояров успеха не дала. Усилив ее последними резервами (даже направив сюда коммунистов из штаба армии) Авксентьевский вновь выехал на передовую. Но и вторая попытка овладеть Чернояровым закончилась неудачей. Слишком велико было неравенство сил. Потеряв только ранеными пятьсот человек, наши войска отошли на исходные позиции к востоку от Деркула. И хотя 4-я армия продвинулась к Уральску на 25 километров и до него осталось менее 50-ти, Авксентьевский, не имея резервов, был вынужден отдать приказ прекратить наступление и закрепиться на занятых рубежах.

- Совершенно очевидно, - докладывал он 10 июня помощнику командующего южной группой Ф. Ф. Новицкому, - что противник стянул сюда (под Шипово - В. В.), что мог. Подтверждением служит сравнительная легкость, с какой были взяты Новоузенск и Александров-Гай, а также прекращение преследования Самарской бригады. Мы в Шипово стянули все возможное, даже саратовскую конную милицию, но силы наши малы, чтобы прорваться к Уральску. Из Деркула на Шипово отправились эшелоны с ранеными. Навстречу шел из Саратова товарный состав: командарм распорядился доставить на фронт колючую проволоку, кольца, топоры, лопаты, бочки для питьевой воды. Поезд командарма возвратился в Саратов.

Ранним утром 16 июня Авксентьевского срочно вызвали в штаб - поступило сообщение чрезвычайной важности: в 3 часа 50

минут казаки силою в 3500 штыков и сабель стали окружать станцию Шипово. Гарнизон ее в 260 человек после трехчасового боя с 5-ю орудиями отошел на станцию Семиглавый Мар. Связь с Деркулской группой Наумова прервалась. Посланные командармом конные разъезды и летчик не смогли ее обнаружить. Бронепоезд обстрелял станцию Шипово, но прорваться не смог. Слетавший в Уральск член Реввоенсовета армии И. Ф. Кучмин заявил, что город долго не продержится, нужна срочная помощь или эвакуация гарнизона. Авксентьевский проинформировал об этом Фрунзе, который категорически запретил оставлять Уральск, полагая, что это даст лишь "огромный моральный минус". Для моральной поддержки Уральского гарнизона, мужество которого иссякло, по просьбе Фрунзе В. И. Ленин направил уральцам телеграмму, текст которой был передан радиостанцией в Самаре:

"Прошу передать уральским товарищам мой горячий привет. Героям пятидесятидневной обороны осажденного Уральского просьбу не падать духом, продержаться еще немного недель. Геройское дело защиты Уральского увенчается успехом".

Положение 4-й армии с каждым днем ухудшалось. Возникла новая опасность, о которой Авксентьевский по прямому проводу доложил члену Реввоенсовета Восточного фронта К. К. Юреневу:

- Факт поимки шпиона на станции Ершово в районе нашей армии, посланного из Новочеркасска штабом Деникина, указывает, что таких фрунтов послана к нам целая серия и, что очевидно донцы и уральцы очень не прочь установить прочную связь, а представится возможность, то и просто соединиться.

Юрнев ответил:

- Товарищ Авксентьевский, вы еще мало битый командарм и потому немножко импрессионист, но это пройдет, мы все в этом уверены.

В отличии от Юрнева Фрунзе разделял тревогу Авксентьевского и приказал срочно направить на Уральский фронт 25-ю дивизию В. И. Чапаева и особую бригаду И. С. Кутякова. На это требовалось время, а мужество защитников Уральского, которых командарм приказал ежедневно подбадривать по радио, падало.

Не менее беспокоила Авксентьевского и судьба Деркулской группы. А в это время 3-х тысячная группа войск Наумова (в нее входил и Вологодский полк), вырвавшись из окружения, при 20-ти орудиях, 61-м пулемете, 2-х броневиках и 2-х грузовиках,

движимых волами (бензин кончился) при 40° жаре двигалась по Уральской степи на Пугачев (Николаевск).

“Нам не хватало продовольствия, боеприпасы были на исходе, - вспоминал участник этого трудного марша, впоследствии генерал Армии А. А. Лучинский, - от непрерывных боев с казаками, полки редели и редели”. Внезапно появился самолет, Наумов приказал разжечь костры, но летчик, приняв наумовцев за казаков, улетел. И когда Пугачевский Военком сообщил, что от Наумова прибыл ординарец, Авксентьевский по словам очевидца “прыгал от радости”. Он приказал оповестить войска, что доблестная группа товарища Наумова, пройдя в течение семи дней 150 километров, отбиваясь от трехкратно превосходящего противника, соединилась с нашими войсками в районе Пугачева, вывезя раненых, сохранив вооружение и захватив пленных и трофеи.

А на следующий день, 26 июня, казаки ворвались в уездный город Пугачев. При защите его погиб отряд коммунистов в 100 человек. Некоторые пустили последнюю пулю себе в висок. До Волги оставалось всего 65 километров. Встреча уральцев с деникинцами становилась не столь отдаленной. В эти критические дни, когда 4-я армия, имея всего 11000 штыков и 1500 сабель, сдерживала яростный напор Уральской армии численностью в 6000 штыков и 15000 сабель, Авксентьевский бросил на Пугачев три, полученных от Фрунзе, полка и группу Наумова. 5 июля наумовцы с коротким боем взяли Пугачев. Доложив об этом командованию, Наумов вышел со станции, лег на кучу золы и тотчас... уснул. Он не спал по трое суток - проверял караулы.

Казаки, опасаясь окружения, отходили на Деркул - Шипово (разоряли селения, поджигали хлеба, отравляли колодцы), что способствовало быстрому продвижению 25-й дивизии на Уральск с севера. После успешных боев в полдень 11 июля полки 2-й бригады вступили в город-герой, выдержавший 2,5-месячную блокаду. Уральцы встретили освободителей с духовым оркестром, с пением “Интернационала”, со слезами радости.

16 июля 1919 года войска 4-й армии после успешных боев соединились с шедшими навстречу войсками Уральского гарнизона. Вся линия железной дороги Саратов - Уральск была очищена от белоказаков. На Уральском фронте инициатива полностью перешла к советским войскам

Лунной июльской ночью на станции Демьяс собрались части сформированной Авксентьевским 50-й стрелковой дивизии. Вручив ее командиру В. Ф. Наумову мандат, Авксентьевский обратился к бойцам:

- Теперь у нас два грозных врага уральского казачества - Чапаев и Наумов. Ура! - и расцеловал героя. Красноармейцы подхватили Наумова и под громкое "Ура!" стали качать.

Знакомство Авксентьевского с Чапаевым, дивизия которого вошла в состав 4-й армии, началось с конфликта.

- Для выяснения отношений, - рассказывал мне В. Д. Аникин, - Константин Алексеевич дважды вызывал Василия Ивановича. Чапаев являлся во всеоружии, со свитой. Ругался, кричал:

- Будет приказ Ленина, буду наступать!

Назначив начдива своим заместителем, командарм вскоре доложил Фрунзе:

- С Чапаевым, хотя и по поводу, я все же достиг большой дружбы, и он обещал мне через четыре недели быть в Гурьеве.

Но встретиться им больше не довелось...

С большим удовлетворением читал Авксентьевский подписанное В. И. Лениным 23 июля 1919 года Постановление Совета рабоче-крестьянской Обороны, где были такие строки:

"За проявленную революционную боевую доблесть Совет Обороны объявляет войсковым частям 4-й армии, красноармейцам и командному составу, особую благодарность".

М. В. Фрунзе в приказе войскам Туркестанского фронта № 28 от 24 января 1920 года, вспоминая подробности талантливо задуманной и блестяще осуществленной операции Южной группы по разгрому Колчака, отмечал: "...части 4-й армии хотя и слабого численного состава, но с полным сознанием, что их героическая борьба даст возможность главной массе войск Южной группы покончить с Колчаком на главном операционном направлении, под умелым и энергичным руководством командарма тов. Авксентьевского отбросили казаков..."

Столь высокую оценку М. В. Фрунзе подтвердил 18 января 1923 года в служебной характеристике К. А. Авксентьевского:

"На новой должности т. Авксентьевский... проявил себя с наилучшей стороны. Считаю своим долгом заявить, что только благодаря той энергии, которую проявил Ревсовет 4-й армии, мне удалось, бросив на произвол эту армию и предоставив ей барахтаться в борьбе с уральскими казаками своими ничтожными

силами, сосредоточить все, что было возможно, под Бузулуком и нанести в начале мая фланговый удар Самарской группе войск Колчака, решивший судьбу Восточного фронта”.

Решивший судьбу фронта! А на Восточном фронте тогда решалась судьба революции. Республика достойно отметила подвиг героев уральской эпопеи. Пять стрелковых полков, включая 190-й, были награждены Почетными революционными Красными Знаменами. А 190-й полк и свыше 100 человек (в их числе В. Ф. Наумов) получили орден Красного Знамени.

Заслуги К. А. Авксентьевского отметили скромнее - наградили золотыми часами с надписью:

“Честному воину РККА от ВЦИК”.

Уму непостижимое произойдет сорок лет спустя. В изданном Политиздатом многотомном труде “История гражданской войны в СССР” фамилия командарма-4 К. А. Авксентьевского не будет даже... упомянута.

В начале августа Авксентьевский отбыл в Самару на должность члена Реввоенсовета Южной группы.

“После этого, - писал в служебной характеристике Фрунзе, - Авксентьевский работал в Оренбурге, в первой армии в качестве члена Ревсовета в один из самых тяжелых для армии момента. Это было осенью 19 года, когда после ликвидации нами Южной армии Колчака (ген. Белова) весь район был охвачен страшной эпидемией сыпняка, занесенной сдавшимися колчаковцами. В этой обстановке при отсутствии топлива, остановившемся транспорте, в снеговых заносах, Авксентьевский проявил себя прекрасно”.

* * *

Каховка стала символом доблести и славы советских воинов. Но общественность не ведает, что легендарный Каховский плацдарм защищали войска 6-й армии Авксентьевского. Здесь впервые в истории войн была создана глубокоэшелонированная противотанковая оборона. Герои-красноармейцы сокрушили самую мощную за всю гражданскую войну танковую атаку белогвардейцев, захватили 10 танков, 5 броневиков, 20 орудий, 70 пулеметов и другие трофеи. Одновременно в районе Апостолово - Шолохово - Никополь левофланговые дивизии 6-й армии совместно со 2-й конной и 13-й армиями разгромили три кавалерийские и две пехотные дивизии Врангеля. Это стало началом разгрома армии “черного барона”.

В приказе Реввоенсовета Республики № 529 от 9 ноября 1920 года, говорилось, что орденом Красного Знамени награждается: “Командующий 6-й армией Авксентьевский Константин Алексеевич за исключительную энергию, проявленную им по организации и боевой подготовке частей вверенной ему армии, а также за умелое руководство ими, приведшее в дни 14, 15 и 16 октября к полному поражению войск Врангеля, пытавшихся разгромить 6-ю армию. В эти дни тов. Авксентьевским было проявлено личное мужество и особая храбрость”.

В то время орден Красного Знамени - “символ мировой социалистической революции” - являлся высшей боевой наградой.

26 октября 1920 года по инициативе Фрунзе Авксентьевский был назначен помощником командующего Южным (против Врангеля) фронтом. Ставя об этом в известность Авксентьевского Фрунзе сказал:

- Надеюсь, в недалеком будущем превосходно поработаем вместе.

В прощальном приказе по армии, окрашенном революционным пафосом, Авксентьевский писал:

“...Грозной силой стоит 6-я армия в преддверии Крыма и я верю, что недалек тот день, когда красные знамена разовьются над освобожденным Крымом. Уезжая от вас в этот решительный момент, я выражаю уверенность, что и при новом командующем вы столь же доблестно будете бороться и в предстоящих в ближайшем будущем боях. Итак, вперед же доблестные бойцы 6-й армии! Республика с надеждой смотрит на вас. Она ждет от вас быстрой и окончательной победы над врагом. И вы дадите эту победу. Да здравствует славная 6-я армия!

Да здравствует советский освобожденный Крым!

Вперед, за свободный труд! Ура!”

Именно 6-я армия, сформированная Авксентьевским, форсировала считавшийся непроходимым Сиваш и штурмом взяла считавшийся неприступным Перекоп.

“За особо понесенные труды по ликвидации врангелевского фронта” К. А. Авксентьевский был награжден золотым потсигаром весом 450 грамм, украшенным драгоценными камнями.

* * *

Выдающиеся организаторские способности проявил Авксентьевский и на посту Главнокомандующего всеми

Вооруженными Силами и Военного Министра Дальневосточной республики. Пробыл он на Дальнем Востоке всего полтора месяца (с 4-го июля по 17-е августа 1922 года), но проделал огромную работу по повышению боеспособности Народно-революционной армии, находившейся в тяжелом положении. Созданная на базе партизанских отрядов, она была изнурена четырехлетней войной с белогвардейцами и интервентами. Не хватало материального обеспечения, за три последних месяца не выплачено жалование, народоармейцы не доедали, страдали от эпидемии сыпного тифа и чумы. Новый Главком, “засучив рукава” взялся за дело. Расскажем лишь об одном - большом по объему и оригинальном по форме - мероприятии, проведенном по инициативе Авксентьевского. С целью оказания армии помощи со стороны шефов и воспитания у бойцов бережного отношения к военному имуществу Военный Совет Народно-революционной армии и флота ДВР приказом № 433 от 8 июля 1922 года объявил специальный “Двухнедельник достоинства народоармейца. “Двухнедельник” разбили на этапы: “Дни обмундирования”, “Дни казармы”, “Дни винтовки”, в кавалерии - “Дни коня”, “Дни здоровья” и т. д.

Бойцы стирали и чинили одежду и обувь, мыли казармы, приводили в порядок оружие и клубные помещения, выстраивались в очереди к фельдшерам, проводившим противооспенные и противохолерные прививки, слушали лекции по гигиене и т. п.

В приложении к “Двухнедельнику” говорилось: “Во всех частях... подвести итоги проделанной работы и провести совместно со спектаклем (пантомима “Суд над неряхой” - В. В.) доклад: “Не неделя, а 52 недели в году порядка, хозяйствования и чистоты”.

В те дни слова Главкома Авксентьевского:

“Тот командир-герой, у которого часть в порядке; тот боец-герой, который чисто одет, обут, здоров и обучен” стали лозунгом Народно-революционной армии.

За короткий срок Авксентьевский по существу реорганизовал армию - были сформированы две стрелковые дивизии: 1-я Забайкальская и 2-я Приморская, Отдельная Дальневосточная кавалерийская бригада. Сменившему К. А. Авксентьевского И. П. Уборевичу осталось лишь завершить дело, повести войска в бой и освободить Дальний Восток от остатков белогвардейцев и интервентов. Уборевич получил орден Красного Знамени,

Авксентьевский - выговор "за нарушение партийной этики" (он запил) и понижение по службе - стал командовать стрелковым корпусом в России. К тому же его лишили... жены Милиции Константиновны Неверовой, бывшей балерины, которую по словам приятеля Авксентьевского, Константин Алексеевич "взял прямо со сцены".

ЦК партии предложил Авксентьевскому прервать сожителство с "совершенно чуждым нам человеком".

В упоминавшемся выше многотомном труде "История гражданской войны в СССР" имя К. А. Авксентьевского - Главкома Народно-революционной армии Дальневосточной республики - не значится. Но, констатируется, что летом 1922 года была проделана большая работа "по укреплению и частичной перестройке Народно-революционной армии". Кто же ее проделал? Оказывается... "Правительство ДВР и большевистская организация республики". Вот так!?

* * *

Авксентьевскому довелось пожать руку трем вождям Красной Армии: Л. Д. Троцкому, М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилову. Председатель Вологодского губисполкома М. К. Ветошкин, анонсируя в 1918 году приезд в Вологду Народного комиссара по Военным и Морским делам Председателя Революционного военного совета Республики Троцкого, писал в газете "Известия вологодского совета", что вологжане будут иметь возможность слушать выдающегося оратора. Да, Лев Давидович умел революционной фразой зажечь аудиторию. Так, красные полки, не раз безуспешно пытавшиеся взять Самару, после пламенной речи Троцкого овладели городом. Но "вождь Красной Армии", фанатически преданный идее мировой революции, ради ее был готов пойти на любые жертвы. Вот как описывает писатель Сергей Ауслендер выступление Троцкого на митинге в Москве в 1918 году:

"...у публики лица серые, потные, изможденные, озлобленные... Все напряжено, доведено до последней черты. И вот в этой накаленной до последнего градуса атмосфере появляется он - Лев Троцкий, Бронштейн. Появляется как-то по-театральному неожиданно, будто из люка выскочил.

- То-ва-ри-щи! - голос пронзительный почти оглушает, ошеломляет, заставляет невольно прислушаться и замолчать. Будто огненная лава несется слова, голос гремит, иногда

срывается, от движений иступленных со звоном падает стакан, он стучит кулаком по столу, он грозит всем непослушным. Лицо наглое, презрительное, перекошенное какой-то судорогой. Он говорит только об одном - крови, крови и крови. Он хвастается бесстыдно своими палаческими подвигами. Он издевается над трупами замученных. Сладострастие опьяняет его, и это опьянение передается толпе. Ведь все так просто: еще убить, еще пограбить, и все будет наше.

- ...Если нужно триста миллионов голов, мы, не задумываясь, срежем эти миллионы...

Он омерзителен, он нестерпимо гадок, это сатана в безвкусно-приказчиьем красном галстучке..."

На одной из карикатур, опубликованных в зарубежной прессе в 1920 году, Троцкий изображен голым, сидящий на гряде человеческих черепов, с ножом в руке.

...Что сказал Троцкий Авксентьевскому во время посещения Вологды мы никогда не узнаем. Не исключено, что "вождь Красной Армии" "вдохновил" вологодского губернатора примерно таким монологом:

- Предоставленные вам большие полномочия требуют большой ответственности. Прощтрафитесь - будете расстреляны без суда и следствия!

- После встречи с Троцким - рассказывала мне дочь Авксентьевского Галина Константиновна, - отец был очень возбужден и говорил, что он не переносит этого человека.

Противоположность Троцкому являлся Фрунзе.

"Это удивительный человек, - писал Дмитрий Фурманов, - Я проникнут к нему глубочайшей симпатией. Большой ум... Взгляд - неизменно умен: даже во время улыбки веселье заслоняется умом. Все слова - просты, точны и ясны; речи - коротки, нужны и содержательны; мысли - понятны, глубоки и продуманны; решения - смелы и сильны; доказательства - убедительны и тверды. С ним легко".

Галина Серебрякова навсегда запомнила "неповторимую приветливость, благодушие и доброту" Фрунзе. Практически все, не сговариваясь, определяли основную особенность личности Фрунзе одним словом - обаяние. В отличие от Троцкого Фрунзе являлся полководцем. И такого масштаба, что маршал Жуков, однажды видевший Фрунзе, считал себя счастливым. То, что Авксентьевский стал ближайшим боевым соратником Фрунзе не случайность, не стечение обстоятельств - результат взаимного

желания служить вместе. Их объединяла преданность идеалам революции, венному делу, фронтовой дружбе... Когда поезд командующего Туркестанским фронтом Фрунзе, занесенный снегом, остановился в Актюбинской степи, находившийся в Самаре заместитель командующего Авксентьевский проявил крайнее беспокойство, принял энергичные меры - Фрунзе и его спутники были освобождены из снежного плена. Когда командующий Вооруженными силами Украины и Крыма Фрунзе в стычке с махновцами был легко ранен, заместитель командующего Авксентьевский тотчас об этом доложил правительству Украины. Было принято постановление, запрещающее Фрунзе принимать непосредственное участие в боевых действиях. Фрунзе стал для Авксентьевского эталоном полководца, "авторитетнейшим командующим", надежным другом, не раз бравшим под свое крепкое крыло грешного командарма. Фрунзе не отпускал от себя Авксентьевского. Когда Троцкий решил перевести командарма-4 Авксентьевского на должность военного комиссара Уральского округа, командующий Восточным фронтом Фрунзе в разговоре с Авксентьевским по прямому проводу заявил: "...Я хочу... настаивать на назначении вас членом Реввоенсовета Южной группы... Я хочу в дальнейшем совместно с вами работать. Ваше мнение?"

Авксентьевский ответил: "...На назначение окрвоенкомом я смотрю как на ссылку с фронта в тыл. И говорю прямо, как солдат, что я лучше буду командовать ротой или даже буду рядовым стрелком, но в тылу ни в коем случае сидеть не буду. Во всяком случае, категорически заявляю: из-под вашего командования никуда не пойду!" И Авксентьевский был назначен членом Реввоенсовета Южной группы. Когда весной 1920-го года Авксентьевского назначили командующим Заволжским военным округом (до этого он являлся заместителем командующего Туркестанским фронтом) Фрунзе обратился к главкому С. С. Каменеву и председателю Совнаркома В. И. Ленину с просьбой направить Авксентьевского на Туркестанский фронт на должность начальника управления формирования войск. Фрунзе парировал попытку Троцкого переместить командарма-6 Авксентьевского с Южного на Западный фронт (тоже командовать армией) и добился назначения его своим помощником по командованию Южным фронтом. По представлению Фрунзе Авксентьевский дважды был награжден высшей боевой наградой - орденом Красного Знамени. Второй орден получил "За

выдающиеся заслуги по очищению Украины от белогвардейских банд”. Троцкий и Каменев “чрезвычайно высоко” ценили Авксентьевского как организатора, но относились с некоторым недоверием к его оперативной подготовке - прапорщик...

В силу этого обстоятельства Авксентьевский оказался “генералом обороны”: принимал армию в самое тяжелое для нее время, энергичными мерами поднимал боеспособность, одерживал первые победы, а в канун перехода в решающее наступление командующим армией назначали другого. Это, конечно, делает честь Авксентьевскому. Но, лично его такое перемещение не радовало. Какой командующий с легким сердцем оставит армию в такой момент.

...Став 26 января 1925 года Председателем Реввоенсовета СССР и Народным комиссаром по военным и морским делам М. В. Фрунзе уже через три недели назначил Авксентьевского заместителем командующего вооруженными силами Украины и Крыма (до этого он командовал корпусом). То есть на ту должность, которую он занимал до поездки на Дальний Восток. Осенью 25-го года Константин Алексеевич и Надежда Митрофановна отдыхали в Крыму, в Хараксе. Узнав, что в Мухомлатке находится на лечении Фрунзе (этим летом он дважды попал в автомобильную аварию!) Авксентьевские отправились навестить его.

- В Крыму наступил “бархатный сезон”, - рассказывала мне Надежда Митрофановна, - зной спал, пышно цвели хризантемы, астры. До Симферополя ехали на поезде, затем через Ялту на Мухомлатку - на автомобиле. После встречи с Фрунзе Константин Алексеевич возвратился сияющим:

- Натуся! Михаил Васильевич сказал: “Ты никуда не поедешь!” - и вручил мне пачку денег.

Мы отдыхали “дикарями” - снимали у частного человека комнату. Деньги кончались - в те годы даже у высшего командного состава зарплата была не высока - и мы решили: Константин Алексеевич возьмет себе путевку в военный санаторий, а я возвращаюсь домой в Харьков. Узнав об этом, Михаил Васильевич и вручил Константину Алексеевичу деньги, чтобы мы могли продолжить отдых вместе. Авксентьевский боготворил Фрунзе. Не раз говаривал:

- Ты не представляешь какой замечательный, какой могучий человек Михаил Васильевич!

Вскоре после возвращения в Харьков Авксентьевский получил

из Москвы письмо от Фрунзе. Письмо было очень личное, пронизанное чувством безысходности. Михаил Васильевич писал о тяжелой болезни жены Софьи Алексеевны, о несчастьи с малолетней дочкой Таней, выколовшей вилкой глаз, о предстоящей ему операции в брюшной полости. Особенно встревожили Авксентьевского последние письма: “Надо мной тяготеет рок. Нужно развязать”.

Это писал легендарный Арсений, не дрогнувший после двукратного вынесения ему смертного приговора за революционную деятельность. Это писал великий полководец Фрунзе, проявлявший железную выдержку и негибаемую волю к победе, под командованием которого войска не знали поражений. Что случилось? Авксентьевский терялся в догадках. Посетивший кремлевскую больницу друг Фрунзе И. К. Гамбург вспоминал: “Я убеждал Михаила Васильевича отказаться от операции, поскольку мысль о ней угнетает его. Но он отрицательно покачивал головой:

- Сталин настаивает на операции: говорит, что надо раз и навсегда освободиться от язвы желудка. Я решил лечь под нож”.

И вдруг страшное известие: “31 октября 1925 года на 41-м году жизни от паралича сердца скончался Михаил Васильевич Фрунзе”. Глядя на фотографию Фрунзе, Авксентьевский плакал, как ребенок:

- Зарезали они тебя, дорогой Михаил Васильевич, зарезали...

Жена Фрунзе, убежденная, что он стал жертвой политического убийства (в последнем письме писал ей: “Я сейчас чувствую себя абсолютно здоровым и даже как-то смешно не только идти, а даже думать об операции”), год спустя покончила с собой.

...Десятки тысяч людей пришли в Колонный зал Дома союза проститься с любимым вождем. Сквозь слезы смотрел Авксентьевский, как гроб с телом Фрунзе медленно опустили в могилу у Кремлевской стены. Памяти учителя и друга Авксентьевский посвятил статью, опубликованную в журнале “Армия и революция”, № 8, 1925 г., где в частности писал:

“...Когда говоришь о Михаиле Васильевиче как о военном работнике, нельзя не приписать ему более высшей военной школы, которую по достоинству признают за ним даже виднейшие современные военные мыслители западноевропейских империалистических армий... Великий и, казалось бы, малодоступный, он на самом деле был образцовым товарищем как

во время войны, так и в мирное время: он при первом случае помогал, чем мог, каждому - от простого бойца до красного генерала. Рабочие массы его обожали, да и было за что: на благо им и революционной борьбе он подвергался смертному приговору царских палачей и носил тяжелые кандалы на каторге”.

Наркомом по военным и морским делам. Председатель Реввоенсовета СССР стал протее Сталина Ворошилов. Пятнадцать лет он возглавлял военное ведомство, но по словам маршала Жукова “в этой роли был человеком малокомпетентным. Он так до конца и остался дилетантом в военных вопросах и никогда не знал их глубоко и серьезно... Однако... имел претензии считать себя вполне военным и глубоко знающим военные вопросы человеком”.

Авксентьевский, сравнивая Фрунзе с Ворошиловым, с горечью писал начальнику Военной академии РККА Эйдеману (в свое время они являлись заместителями Фрунзе - командующего вооруженными силами Украины и Крыма): “Да, Роберт Петрович, пожалуй, нам лично с вами, безусловно, более понятно, чем кому бы то ни было из военных работников сколь велика и невосполнима потеря в лице так неожиданно скончавшегося дорогого Михаила Васильевича”.

* * *

Маршал Советского Союза С. М. Буденный в мемуарах “Пройденный путь” пишет:

“26 марта (1926 года - В. В.) прибыли в Ташкент. На вокзале меня встречали командующий Туркестанским фронтом К. А. Авксентьевский... и другие должностные лица. С Авксентьевским мы обнялись, как старые друзья.

- Рад приветствовать вас, дорогой Семен Михайлович, - сказал Константин Алексеевич. - Как доехали?

- Басмачей по дороге не встречали, - пошутил я.

- В горах прячутся...”.

Справедливо отметив, что Авксентьевский “не щадил себя ради революции”, и был талантливым военачальником”, которого “высоко ценил Фрунзе” Семен Михайлович, описывал свою деятельность на Туркестанском фронте, мягко говоря, выдает желаемое за действительное; рассказывает, как он учил Авксентьевского воевать с басмачами. Документы, с которыми я ознакомился в Центральном государственном архиве Советской Армии, не подтверждают это.

- Авксентьевский, - рассказывал мне Пекутовский, - в присутствии Буденного, который являлся не только инспектором кавалерии РККА и членом РВС СССР, но и был направлен в Туркестан лично Сталиным, вел себя по-хозяйски, держался независимо, уверенно. Шел впереди Буденного. А когда сопровождавшая Буденного молодая жена, артистка Большого театра О. С. Михайлова, пыталась забраться в самолет, на котором Авксентьевский с Буденным собирались лететь инспектировать войска, Авксентьевский остановил ее:

- Ольга, это не женское дело.

Относительно интеллекта Буденного Авксентьевский говорил:

- Сеня-то наш глуповат.

С Буденным они были на "ты": "Сеня - Костя".

Авксентьевский видел в Буденном отчаянного рубаку, но его "замечательный стратегический инстинкт" всерьез не принимал. И оказался прав. Великая Отечественная война показала несостоятельность маршала. В 41-м под Москвой Буденный даже потерял штаб Резервного фронта, которым командовал. И пришлось Сталину "братишку" Буденного повернуть лицом опять к коню, назначить командующим кавалерией. Но я отвлекся.

...2 декабря 1925 года восьмой командующий Туркестанским фронтом Авксентьевский в экзотически украшенном вагоне (на голубом фоне сверкали золотые звезды) - наследие эмира бухарского - прибыл в Ташкент, где находился штаб фронта. И "с колес" - за дело. Назначил фронтовое совещание старшего и среднего командно-политического состава. Некоторые лица опоздали, кое-кто вообще не явился. Авксентьевский, отменив совещание, назначил его на 2 часа ночи. На сей раз ни опоздавших, ни отсутствующих не оказалось. Туркестанцы почувствовали твердую руку нового командующего. При М. К. Левандовском (предшественнике Авксентьевского) не было согласованности в работе между членами Реввоенсовета фронта и командующим, следовательно - в штабе и в управлениях. С этим было покончено. С членами РВС секретарем Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) И. А. Зеленским и начальником политуправления фронта Н. Н. Кузьминым у Авксентьевского установилось полное взаимопонимание и хорошие личные отношения. А вот со своим капризным заместителем командующий предпочел распрощаться. Проработав месяц непосредственно при штабе, "во все вникая сам", Авксентьевский отправился инспектировать войска, разбросанные на обширной

территории Туркестана по многочисленным гарнизонам. Пользовался воздушным транспортом, что в те времена, при несовершенстве авиационной техники, не было безопасным.

Однажды, пролетая над пустыней, "Ю-13" с Авксентьевским на борту попал в воздушную яму. И только высокое мастерство пилота Петра Захарова спасло жизнь обоим. Посетил Авксентьевский пограничную с Афганистаном крепость Кушку. Личный состав крепостной саперной роты единогласно избрал его "Почетным красноармейцем".

Следует отметить: созданный еще в 1919 году Туркестанский Фронт уже не являлся фронтом в полном смысле этого слова. Это был внутренний фронт, войска которого вели затянувшуюся "малую войну" с басмачами. В 45-ти отрядах насчитывалось около 600 басмачей. Казалось бы 5-ти дивизиям и 3-м бригадам фронта с таким противником и делать-то было нечего. В открытом бою - да.

НО СЛОЖНЫЕ УСЛОВИЯ ТУРКЕСТАНА (обширная пересеченная местность - пустыни и горы, многонациональный состав населения, наличие феодально-родовых и религиозных пережитков, близость государственной границы).

СПОСОБЫ ДЕЙСТВИЯ БАСМАЧЕЙ (небольшие конные отряды внезапно спускались с гор или выходили из пустыни, врываются в кишлаки, грабили дехкан (крестьян), убивали советских активистов и женщин, снявших паранджу, поджигали склады хлопка, разрушали ирригационные сооружения и мосты, угоняли скот).

НИЗКАЯ БОЕСПОСОБНОСТЬ ТУРКЕСТАНСКИХ ВОЙСК (половина командного состава не соответствовала занимаемой должности, кавалерийская дивизия за три года боев потеряла 2/3 коней, не хватало стационарных казарм, конюшен, бойцы жили по кишлакам в кибитках, недоставало оружия, снаряжения) **ДЕЛАЛИ БОРЬБУ С БАСМАЧАМИ ЧРЕЗВЫЧАЙНО ТРУДНОЙ.**

Район активных действий басмачей являлась горная часть Таджикистана (восточная Бухара). Тактика борьбы с басмачами - окружение и уничтожение их отрядов - успешно применявшаяся на равнине, была совершенно не применима в горах. Зная каждую тропку в горах, басмачи ускользали от готовившейся им западни. Авксентьевский изменил приемы борьбы. В кишлаках, находившихся в предгорьях, стали размещать постоянные гарнизоны, что лишало басмачей возможности получать продовольствие и фураж. А для борьбы с их перемещающимися

конными отрядами создавали летучие отряды (50 сабель и 2 пулемета в каждом), которые должны были вести операции в тесном взаимодействии с гарнизонами. Усилили отряды самообороны, снабдив их огнестрельным оружием. Особое внимание уделялось взаимодействию войск с использованием телефонной, гелио и голубиной связи. Лозунг воинов-туркестанцев: “Добить басмачей!” Авксентьевский дополнил: “И добиться определенных успехов в учебе”. Широкая и тщательная подготовка дала возможность в 1926 году успешно провести весенне-летнюю кампанию. Были разгромлены отряды Ибрагим-бека, Хурам-бека и других басмачей.

За исключением мелких банд чисто уголовного характера басмачество, как контрреволюционное националистическое движение было ликвидировано. Последний фронт гражданской войны - Туркестанский, просуществовавший 7 лет, был упразднен. На его базе 4 июня 1926 года был организован Среднеазиатский военный округ, командующим которого РВС СССР назначил Авксентьевского.

Теперь усилия командующего были направлены на создание материальной базы, развертывание учебно-воспитательной работы в войсках округа. Сооружались казармы, складские помещения, конюшни, полигоны, тир. Части были сведены в большие гарнизоны. Впервые в Туркестане проводятся окружные маневры стационарных частей с участием национальных формирований, учебные игры для высшего и старшего командного состава, органов служб тыла. Авксентьевский направляет в Москву в академию группу командиров, организует в Ташкенте конно-спортивный клуб и конные состязания на ипподроме.

“У всего личного состава войск, - докладывал Авксентьевский наркому Ворошилову, - наблюдается переломное состояние: пассивность и инертность отошли в прошлое, появилась тяга к учебе”.

С туркестанским периодом службы Авксентьевского связан эпизод, имеющий отношение к искусству. По инициативе Ворошилова к 10-летию Красной Армии (1928 год) художник Исаак Бродский написал картину “Заседание Реввоенсовета СССР”. В числе 27-и ее персонажей был Авксентьевский и еще два наших земляка: командующий войсками Сибирского военного округа Н. Н. Петин и начальник Главного управления РККА В. Н. Левичев, которого Авксентьевский знал еще по учебе в Тотемской учительской семинарии.

Вряд ли эта картина представляла большую художественную ценность. Ценность в другом: это было уникальное произведение живописи, запечатлевшее высший генералитет Красной Армии конца 20-х годов.

В трагическом 37-м невинная картина, находившаяся в Центральном Доме Красной Армии в Москве, разделила горькую участь почти всех ее персонажей...

Осенью 1927 года Авксентьевскому вновь пришлось воевать с басмачами. Проведение водно-земельной реформы в отсталом, оторванном от железной дороги и культурных центров на сотни километров Хорезмском оазисе (исторически сложившаяся область в нижнем течении Аму-Дарьи), где не было рабочего класса, вызвало резкое сопротивление феодально-родовой знати. В кишлаках обострилась классовая борьба. Ситуацией воспользовался "царь песков" Кара-Кумов престарелый Джунаид-Хан. "Раскаявшийся" басмач получил разрешение вернуться из-за границы на родину и доживал свой век в Кара-Кумах, имея охрану в 100 джигитов.

Джунаид сколотил 12 конных отрядов общей численностью более 2-х тысяч басмачей, вооруженных винтовками и пулеметами. Англичане через Афганистан тайно переправили 24 тысячи винтовочных патронов.

19 сентября отряды Джунаида вышли из песков в культурную полосу. Начались налеты на кишлаки в районе города Куня-Ургена. Басмаческие отряды появились в Ташаузском округе, Бухарском и других районах Туркмении. Для противодействия им Авксентьевский создал две группы войск. Войска южной группы сосредоточились в районе железнодорожных станций Бами - Кизыл - Арват - Казанджик с целью не допустить отхода джунаидцев на юг к государственной границе. Войска северной группы, сосредоточенные в Ташаузе, куда прилетел для руководства операцией Авксентьевский, вступили в бой. Преследуя отступивших басмачей наши кавалеристы начали поход в безводные пески Кара-Кумов. По 18 часов в сутки не покидали седла. Летчики, ведя разведку, извещали о направлении движения джунаидовцев. Впереди шел 84-й кавалерийский полк. Его командир А. Б. Борисов так описал этот трудный переход:

"Закружились песчаные вихри. С севера налетел острый, пронизывающий ветер. Песок набивался в нос, в уши, в рот. Глаза, залепленные песком, ничего не видели перед собой. То и

дело отряд останавливался, отыскивая потерянные следы и возобновляя движение широкой рысью... Когда следы терялись совершенно, командиры и бойцы, шаря по песку руками, нащупывали углубления от копыт басмаческих лошадей”.

5 ноября полк настиг басмачей в районе “столицы” Джунаид-Хана колодца Орто-Кую. В песках загредел бой. После бомбардировки с воздуха в атаку пошли эскадроны А. А. Лучинского и Г. С. Марковича.

Отряд Джунаид-Хана был окружен и разгромлен, уцелевшие басмачи мелкими группами рассеялись по барханам. Преследовать их у полка, совершившего четырехсоткилометровый переход, уже не хватило сил. Много лошадей падало от усталости, голода и жажды. Люди с трудом держались на ногах. Джунаид-хан, бросив караван верблюдов и 28 жен, с группой джигитов бежал в Персию. Забегая вперед, скажем: 5 июня 1928 года, когда ни одна армия мира еще не имела боевой практики воздушного десантирования, Авксентьевский направил в Кара-Кумы 3 самолета “Ю-13” с 15-ю десантниками для ликвидации остатков басмаческих отрядов Джунаид-хана. Высадка и эвакуация десанта прошли успешно.

...Навстречу возвращающемуся с победой 84-му кавалерийскому полку, командование выслало караван с продовольствием. А самолет “Ю-13”, приветливо покачав крыльями, сбросил вымпел с приказом Реввоенсовета Среднеазиатского военного округа, адресованным командиру полка Борису:

“РВС и командование Средазво восхищены героическим походом 84-го кавалерийского полка в неслыханно тяжелых условиях в безводной пустыне Кара-Кум... По прибытии полка в Ташауз вам предлагается срочно представить к награждению Орденом Красного Знамени всех отличившихся командиров, политработников и красноармейцев полка. РВС Средазво желает с полным успехом и наименьшими лишениями закончить полку этот выдающийся переход. Привет всем бойцам!

*Командующий Средазво Авксентьевский,
члены РВС Зеленский, Иппо”.*

84-й кавалерийский полк был награжден почетным Революционным Красным Знаменем. Все представленные к награде получили орден Красного Знамени. Кроме одного - командующего. Безусловно, Авксентьевский заслужил эту высокую награду, но честолюбивый Ворошилов не мог простить Авксентьевскому смелость, с которой он на пленуме РВС СССР,

отстаивая интересы своего округа, самому наркому “поперек слово молвил”. В отличие от наркома плодотворная трехгодичная деятельность Авксентьевского в Туркестане получила достойную оценку руководителей региона. ЦИК Узбекской ССР наградила его орденом Трудового Красного Знамени, ЦИК Киргизской АССР - золотой шашкой, а Ташкентский окружной исполком - боевым конем.

Осенью 1928 года, будучи назначенным командующим Кавказской Краснознаменной армией, Авксентьевский простился с войсками. Туркестанцы тепло проводили Константина Алексеевича, которого полюбили как командующего и как человека.

* * *

Генералы королевской Франции знали, скольким пуговицам положено быть на мундире солдата, но не ведали, как воевать без солдат. Генералы революции - дети трактирщиков, бочаров и других представителей третьего сословия - не ведали о количестве пуговиц на мундире, но зато умели на ходу формировать полки и с треском лупили роялистов. Нечто подобное имело место и в России. Гражданская война быстро решала кадровые проблемы армии, каждого ставила на свое место по способностям. В красные генералы выходили не только принявшие революцию бывшие офицеры, но и самородки - представители нижних чинов. Думается, и великий самородок Михаил Фрунзе - на западе его называли “великим военным гением” - не поднялся бы до вершины военного искусства, если бы окончил военную академию. Говорят, и гениальный Федор Шаляпин не стал бы Шаляпиным, если бы поучился в консерватории.

Константин Авксентьевский - сын волостного писаря, имея образование прапорщика (вспомним нелестную поговорку “кураца не птица - прапорщик - не офицер”) - не потонул в бурных волнах гражданской войны, а оказался на гребне потому, что по словам Фрунзе “ярко выделился по своей энергии и организаторским способностям”.

И, как ни парадоксально, отчасти потому, что не был отягощен грузом солидного военного образования. Фрунзе отмечал у Авксентьевского “полное знание дела”, “умелое командование”. Это не означало, что Авксентьевский обладал глубокими знаниями в области военной науки. Речь идет о специфических

особенностях гражданской войны, когда не только бывшие офицеры генерального штаба, но даже генералы не могли приспособиться к ним. Авксентьевский, опираясь на знания военных специалистов, успешно решал сложные задачи, стоявшие перед армией. Фрунзе советовал учиться работать с людьми у Авксентьевского, который мог найти подход не только к таким ершистым прославленным начдивам, как В. И. Чапаев и В. К. Блюхер, но и к бывшим офицерам генерального штаба. В 4-й армии начальником штаба был А. К. Андерс, в 6-й - В. К. Токаревский (в тыловом штабе) и А. В. Кирпичников (в полевом штабе). Со всеми Авксентьевский хорошо сработался. Когда его назначили помощником командующего Южным фронтом, Кирпичников даже просил, чтобы Авксентьевский взял его с собой.

Очень деликатно Авксентьевский исчерпал инцидент, имевший место между ним - командующим Средне-Азиатским военным округом, и начальником штаба округа Б. Н. Кондратьевым. Однажды вечером начштаба явился к командующему по служебному делу. Авксентьевские отмечали какой-то семейный праздник. Подвыпивший хозяин радушно пригласил гостя к столу. Кондратьев отказался:

- Не могу, я при исполнении служебных обязанностей.

Авксентьевский взял его за рукав. Кондратьев рванулся, раздался треск и с полуоторванным рукавом начштаба ринулся к двери. В сенях его догнал Пекутовский.

- Борис Николаевич! Вернитесь, пришьем рукав.

Но "пострадавший", явившись в штаб, заявил изумленным коллегам:

- Я был на приеме у командующего...

Подошла аттестация. Кондратьев забеспокоился: "Командующий мне припомнит!" И был несказанно удивлен, когда Авксентьевский дал ему более лестную служебную характеристику, чем его предшественник М. К. Левандовский.

И бывший офицер-гвардеец, получив урок нравственности, проникся глубоким уважением к Авксентьевскому.

Ю. И. Кузьмина (жена Н. Н. Кузьмина) - молодая, красивая женщина - должна была проводить беседу с дехканами (крестьянами) в кишлаке. Испугалась басмачей, пришла к командующему фронтом. Авксентьевский солидно вручил женщине отделанный перламутром перочинный нож.

- Теперь вы, Юлия Ивановна, вооружены и нечего бояться.

Столь оригинально командующий вооружил рядового верой в успех предстоящей “операции”.

Авксентьевский умел сколотить крепкий работоспособный коллектив, воздействуя на подчиненных не административными мерами, а личным примером. Он требовал, чтобы командиры стояли ближе “к жизни и быту своих подчиненных”, были для бойцов примером во всем, чтобы красноармейцы “заразились их настроением, духом, энергией”. Демократизм Авксентьевского не имел ничего общего с панибратством. Никто не решался положить руку на его плечо. Когда он появлялся в штабе, все подтягивались - командующий! Но подчиненные не “ели глазами начальство”.

Маршал Рокоссовский заметил: “Хорош командующий, которому подчиненный докладывает с улыбкой”. Именно таким был Авксентьевский. С ним работалось легко. Он создавал вокруг себя атмосферу непринужденности и доброжелательности. Любил добрую шутку, даже на фронте. Правда в быту она порой принимала озорной характер. Будучи учителем на селе, однажды вечером, облачившись в простыню, спрятался меж могил. Когда его жена Лидия Дмитриевна с подругой проходила мимо кладбища - “воскрес”. Перепуганные женщины показали очень высокий результат в скоростном беге.

Как-то Константин Алексеевич в Вологде на балконе пил чай. Подали лошадь. Недолго думая, взял свой багаж и со второго этажа ловко спрыгнул в бричку.

Не каждый мог бы сам себе вырвать щипцами больной зуб, как это сделал Авксентьевский...

Был остроумен. На вопрос иностранного корреспондента: “Какими языками владеет командующий?”, Авксентьевский ответил:

- Русским и матом в совершенстве.

Просматривая в Центральном государственном архиве Советской Армии наклеенные на листы телеграфные ленты с записью разговоров Авксентьевского я был приятно удивлен его речью. Язык военного человека мне представлялся лаконичным, строгим, сухим. Речь Авксентьевского, сохраняя лаконичность, была яркой, образной. Ходатайствуя перед командованием фронта о направлении в 4-ю армию председателя Вологодского губисполкома М. К. Ветошкина, Авксентьевский мотивировал свою просьбу так: “Утверждаю, что сей муж для саратовского климата чрезвычайно полезен”.

Возвратившись с передовой докладывал командованию: “Казачи... дерутся, как черти... свидетельствую так же высокую дозу мужества и наступательного порыва у наших товарищей красноармейцев, но плетью обуха не перешибешь” (противник имел значительное численное превосходство - В. В.).

Пленных белоказачков называл “заблудшими овцами”, деникинских шпионов - “фруктами”, сложную дислокацию войск сравнивал со “слоеным пирогом” и т. д.

В нем было нечто от актера. На полигоне командиры - артиллеристы доложили о “стопроцентном” поражении целей. Авксентьевский, разоблачив липу, крепко покритиковал очковтирателей. Затем, приложив руку к сердцу, с поклоном обратился к рядовым:

- Вы уж, товарищи красноармейцы, простите меня старика.

К нерадивым исполнителям воинского долга был строг.

...Машина вологодского губвоенкома остановилась у Первушинских казарм, где разместился сформировавшийся стрелковый полк. Дневального на посту не оказалось. Бойцы лежали на нарах, в углу азартно “резались” в карты. На приказ губвоенкома прекратить игру, одни новобранец выматерился. Авксентьевский приказал арестовать его. По гарнизону Вологды (Авксентьевский являлся и начальником гарнизона) отдал приказ, опубликованный в газете: “За продажу игральнх карт объявляется кара вплоть до расстрела, т. к. эта азартная игра разлагает ряды красноармейцев”.

Но Авксентьевский не был жесток: парня потаскали, попугали, тем и кончилось.

Константин Алексеевич любил детей, но не баловал. Провожая дочь Галину в санаторий, напутствовал:

- Не вздумай хвастаться, что ты дочь командарма. Это не твоя заслуга.

Однажды в Москве решил навестить своего друга-земляка В. П. Чапурского. Дверь открыли двое его сыновей. Они так восхищенно смотрели на три ордена и ромбы - по четыре на каждой петлице, - что Авксентьевский, хотя хозяина не оказалось дома, зашел в квартиру на пару минут.

Мальчишки своеобразно увековечили необычный визит. На табурете нарисовали красную звезду и написали: “Здесь сидел командарм!”

Авксентьевский мог выставить из кабинета подхалима или склочника, но не мог пройти мимо человека, попавшего в беду.

На прием к командующему явились командир дивизии и командир роты. Первым Авксентьевский принял младшего командира. Недовольному командиру дивизии объяснил:

- Напрасно вы обижаетесь. Мы с вами встречаемся часто, а командир роты первый и может быть последний раз попал на прием к командующему. К тому же он серьезно болен.

И Авксентьевский выхлопотал этому человеку путевку в санаторий.

На одной из улиц старого Ташкента дехканин не справился с испугавшейся лошадью и попал под колеса автомобиля командующего. Авксентьевский доставил пострадавшего в госпиталь и распорядился выдать его большой семье денежное пособие.

На Казанском вокзале Москвы в экзотический вагон командующего Средне-Азиатским военным округом (приезжая на сессию ЦИК СССР, Авксентьевский жил в своем вагоне), явился человек в оригинальной одежде: подштаниках, майке, тапочках. Это был туркестанец - командир полка. Он возвращался из отпуска и в поезде был обворован. Авксентьевский приютил невезучего командира: дал свою одежду, поставил "на котловое довольствие" и доставил в далекий Туркестан.

Даже демобилизованные обращались к Авксентьевскому за помощью. Знали, что он не откажет. Вологжанин И. А. Паничев мне рассказывал:

- В конце двадцатого года по состоянию здоровья я был демобилизован из армии. Железнодорожный транспорт работал скверно, и я не мог приобрести билет. Кто-то из земляков посоветовал: "Иди к Авксентьевскому. Он поможет".

Штаб Южного фронта находился в Харькове на Скобелевской площади в большом здании окружного суда. Я робко зашел в кабинет помощника командующего фронтом. Авксентьевский что-то писал. Выглядел усталым. Поднял голову.

- Слушаю вас, товарищ.

Я объяснил суть визита. Авксентьевский вышел из кабинета и, возвратившись, с радостью вручил мне бумагу на право проезда в штабном вагоне до Москвы. Крепко пожал руку и просил передать привет вологжанам.

В Центральном государственном архиве Советской Армии я обнаружил любопытное письмо. Автор его бывший командир дивизии, кавалер двух орденов Красного Знамени Н. Т. Фокин-Уральский писал:

“Дорогой Константин Алексеевич!

Все мы старые бойцы погоревали, что ты не смог у нас остановиться... А сейчас позволь обратиться к тебе, как к нашему батьке, с нижеследующими просьбами”. В числе их такая:

“Добиться через товарища Буденного награждения товарища Краснощекова.

...Он этого многократно достоин и учил нас в свое время бить всякую сволочь”.

“Авторитет, - говорил Авксентьевский, - создается не формально занимаемым тем или иным высоким положением, а умением поставить себя и свою работу так, чтобы она среди окружающих и подчиненных вызвала достойное уважение”.

Более двенадцати раз - лишь в два раза меньше, чем Ленин - Авксентьевский избирался в воинских частях Почетным красноармейцем. Назовем некоторые из них.

Почетный стрелок Заволжского полка. Зачислен в списки полка и назначен в пулеметную команду в качестве наводчика 1-го пулемета, 1-го взвода.

Общим собранием работников воздушного флота всех вооруженных сил Украины и Крыма избран “Почетным краснофлотцем всех вооруженных сил Украины и Крыма”.

Всегрузинский съезд красных партизан и красных гвардейцев присвоил Авксентьевскому звание “Почетного красного гвардейца, как заслуженному старому бойцу за дело рабочего класса”.

Генерал-лейтенант А. И. Тодорский имел полное право сказать о К. А. Авксентьевском:

“Весь личный состав нашей армии высоко ценил, глубоко уважал и искренне любил этого замечательного русского самородка, поднятого Великой Октябрьской социалистической революцией на высокие военные посты”.

* * *

В начале 1931 Авксентьевский в группе высшего командного состава Красной Армии был направлен на учебу в Германию.

- Я провожал Константина Алексеевича, - рассказывал мне Р. А. Пекутовский. - Авксентьевский и Егоров - будущий маршал - разместились в одном купе. Егоров поставил на стол бутылку коньяка, пояснил: “Выпьем с Костей”.

Когда Константин Алексеевич вышел из купе, я обратился к Егорову:

- Александр Ильич, Константину Алексеевичу нельзя пить.

- Без тебя знаю! - отрезал Егоров.

...Столовались советские генералы в отдельном зале превоклассного берлинского ресторана. Однажды во время обеда в дверях появился дюжий штурмовик со свастикой на рукаве. Скрестив на груди руки и широко расставив ноги, демонстративно застыл, как изваяние.

- Вон отсюда, фашист! - крикнул подвыпивший Авксентьевский. Немец не шелохнулся. С возгласом: "Мы вас согнем в бараний рог!" Авксентьевский рванулся из-за стола, обнажая золотую шашку.

Товарищи преградили путь к двери. И тогда в гневе он рубанул по зеркалу, по фарфору.

Германское правительство объявило его персоной нон грата и предложило в течение 24-х часов покинуть страну.

В Москве Авксентьевский предстал перед наркомом. Отматерив грешного командарма, Ворошилов направил его на учебу в академию имени Фрунзе. А ему требовалось... лечение. Занятия в академии пропускал. В белой горячке палил в потолок из парабеллума.

Комиссар академии Е. А. Щаденко подал рапорт наркому, и Ворошилов 1 апреля 1931 года подписал Постановление Реввоенсовета СССР № 097: "Слушателя особой группы академии им. М. В. Фрунзе Авксентьевского Константина Алексеевича уволить из РККА в долгосрочный отпуск".

Друзья устроили его в Центросоюзе заведующим транспортным отделом. Об отставке Авксентьевский отзывался с юмором: "Раскулачили". Держался смело, даже рискованно. Приходя к дочери, жившей с семьей в комнате на общей кухне, критиковал власть предержавших. Муж Галины Константиновны со страхом упрашивал: "Константин Алексеевич, пожалуйста, не приходите к нам в нетрезвом состоянии. Поймите, у меня жена, дети..."

- В конце 1934 года, - вспоминал Пекутовский, - Константин Алексеевич явился ко мне, сообщил:

- Ко мне приходили два гаврика от Ягоды. Предложили избрать место жительства Мурманск или Воркуту. Я поеду в Воркуту.

Его назначили начальником воркутинского рудника, где добывали уголь заключенные. В одном из барачных жилищ жили особо опасные преступники - убийцы, которых побаивалось даже лагерное начальство. Они подготовили новому начальнику "теплую" встречу. Но финал встречи оказался неожиданным.

Авксентьевский вышел из барака признанным авторитетом - "батей", все распоряжения которого впредь стали беспрекословно выполняться. Авксентьевский сам чуть было не убил главаря...

Возвращение Авксентьевского в Москву летом 1937 года совпало с началом невиданного истребления командного состава Красной Армии. В те страшные дни командир корпуса Ока Городовиков с тревогой спрашивал своего боевого друга Семена Буденного:

- Семен, что же делается? Всех подряд берут...

Маршал успокоил:

- Не беспокойся, нас с тобой не тронут. Берут только умных.

Первым пошел на плаху цвет армии: маршал М. Н. Тухачевский, командармы 1-го ранга И. П. Уборевич и И. Э. Якир, командарм 2-го ранга А. И. Корк и комкор Р. П. Эйдеман. Всех их Авксентьевский знал по службе. С Тухачевским был на "ты": "Костя - Миша".

На Лубянке в жутком логове НКВД под пытками у них вырывали ложные показания на самих себя. 11 июня 1937 года специальный суд, в который вошли маршалы В. К. Блюхер и С. М. Буденный, командарм 1-го ранга И. П. Белов, командармы 2-го ранга Я. И. Алкснис, П. Е. Дыбенко, Н. Д. Каширин, комкор Е. И. Горячев и будущий маршал В. М. Шапошников, обвинил своих вчерашних товарищей по оружию в измене Родине и приговорил их и еще троих комкоров: В. М. Примакова, В. К. Путну, В. М. Фельдмана к смертной казни. В этот же день их расстреляли.

Погибли и земляки Авксентьевского, видные военачальники - заместитель начальника Генерального штаба РККА В. Н. Левичев и начальник Военно-инженерного управления РККА Н. Н. Петин, с которыми у Константина Алексеевича были хорошие служебные и товарищеские отношения.

И к Авксентьевскому нагрянули ночью ежовские опричники. Произвели в квартире обыск - компромата не обнаружили. Уходя, забрали ордена. Авксентьевский протестовал:

- Не имеете права!

Ордена унесли, но через несколько дней вернули.

Почему уцелел Авксентьевский?

- Если бы не спился, - сказал как-то Надежде Митрофановне, - уничтожили бы меня и тебя.

Это было не самооправдание - горькая альтернатива. В каждом представителе высшего генералитета мнительный Сталин видел

потенциального соперника - еще в 1925 году он говаривал Л. З. Мехлису:

- Все эти тухачевские, корки, уборевичи, авксентьевские - какие это коммунисты? Все это хорошо для 18-го брюмера, а не для Красной Армии.

В трудовой книжке Константина Алексеевича с 1937 года нет записей, не считая отметки о двухмесячной работе в 1940 году на заводе шарикоподшипников № 2.

Он был нетрудоспособен. Жил один на 55 рублей в месяц, получаемых за ордена. На совет Надежды Михайловны обратиться за помощью к правительству ответил:

- Умру с голоду, но у них просить не буду.

Как он сводил концы с концами, можно только гадать...

В начале Великой Отечественной войны Авксентьевский написал письмо Ворошилову с просьбой направить на фронт "хотя бы рядовым" и получил, как он выразился, "вежливый отказ".

В ночь на 31 октября 1941-го года сон москвичей прервал тревожный вой сирен, возвестивших начало очередного воздушного налета немцев на столицу. Ослепительно голубые лучи прожекторов лихорадочно щупали небо, отчаянно били зенитки. Люди спешили укрыться в бомбоубежищах.

Авксентьевский, спокойно одевшись, направился на чердак, где он нес дежурство во время воздушных тревог. Дверь в квартиру оказалась распахнутой - второпях соседи забыли запереть. Неожиданно в дверях появились трое незнакомцев. Авксентьевский, догадавшись, кто они, властно скомандовал: "Назад!"

Бандиты замешкались, но поняв, что мужчина безоружен и в квартире один, ринулись на него. У двоих в руках сверкнули ножи, третий сжимал тяжелый кастет...

После отбоя воздушной тревоги соседи увидели ужасную картину: на полу коридора в луже крови лежал Авксентьевский. Рядом исковерканный детский трехколесный велосипед - оружие, с помощью которого он вел неравную схватку. Не приходя в сознание, Константин Алексеевич скончался в госпитале 2 ноября 1941 года.

Гроб с телом Авксентьевского везли в крематорий по суровым улицам прифронтовой столицы. На ближних подступах к ней шли ожесточенные бои. Москву защищали войска Западного фронта, которыми командовал бывший кавалерист армии Константина Авксентьевского генерал армии Георгий Жуков...

* * *

18 ноября 1970 года в Вологде на воинском мемориальном кладбище прозвучал Гимн Советского Союза и троекратный ружейный залп. Упало покрывало с памятника К. А. Авксентьевскому. Отдавая последние почести боевому командарму, мимо его могилы прошли молодые воины.

Мария Бочкарева*

“...Я не могу оставаться среди вас более... И не рождена для братания с врагами. Я не могу терпеть эти непрерывные митинги. Я не выношу эту бесконечную цепочку ораторов и их пустые фразы. Это - время действий, время для разговоров миновало - иначе будет слишком поздно. Наша страна погибает и свобода вместе с нею!” - заявила в мае 1917 года Георгиевский кавалер^{Младший}унтер-офицер 28-го Полоцкого пехотного полка Мария Бочкарева.

* * *

Биография ее начиналась так. В июле 1889 года в семье крестьян села Никольское Кирилловского уезда Новгородской губернии (ныне Кирилловский район Вологодской области) Леонтия Семеновича и Ольги Елеазаровны Фролковых родилась дочь, названная Марией. Ей было шесть лет, когда родители в поисках большего земельного надела переехали жить в Сибирь.

В восемь лет Марию отдали в няньки, в шестнадцать - замуж за крестьянского парня Афанасия Бочкарева. Пьяный Афанасий стал “перевоспитывать” жену кулаками, и Мария ушла от мужа.

Крестьянин Читинского уезда Янкель Гершев Бук к 23-м годам уже отсидевший срок в тюрьме за бандитизм, становится гражданским мужем Марии. По такому случаю Янкель обещал “завязать” и купил мясную лавочку. Недолго стояла за прилавком довольная Мария. Янкель снова влип в криминальную историю и попал в Читинскую тюрьму. Любящая Мария отправилась в Читу и вместе с непутевым суженым по каторжному этапу - в якутскую ссылку.

* Очерк написан по материалам периодики.

...1914 год. Грянула первая мировая! И с Марией произошло нечто необъяснимое. Кто заронил в душу неграмотной крестьянки, брошенной на край света, искру святой любви к родной земле, на которой ей жилось несладко? Искра разгорелась в такое пламя, что Мария уже не представляла свою жизнь вне фронта, где решалась судьба Отечества. "Мое сердце - вспоминала она, - стремилось туда - в кипящий котел, принять крещение в огне, закалиться в лаве. Дух жертвоприношения вселился в меня. Моя страна звала меня". Она оставляет любимого человека, с которым, без сомнения, была бы до конца ссылки, и из Томска на последние восемь рублей посылает телеграмму Николаю II с просьбой направить ее на фронт солдатом. И, ко всеобщему удивлению, получила "высочайшее разрешение".

Там, на фронте, в грозных штыковых атаках отваге этой женщины завидовали мужчины, звавшие ее Яшкой. Она вытаскивала и раненых с поля боя. В госпиталях врачи дивились выдержке и живучести женщины-воина. Но вернемся к маю 1917 года. Армия, взбудораженная Февральской революцией, митинговала. На одном из митингов командир Полоцкого полка представил Бочкареву, как Георгиевского кавалера, главе Временного Комитета Государственной Думы Родзянко. Галантный Михаил Владимирович поцеловал Марию Леонтьевну, дал указание сшить ей новое обмундирование и отправить в столицу. Вместе с Родзянкой она прибыла в Таврический дворец на сессию солдатских делегатов. Выступая, сказала:

- Солдаты не слушаются начальства и братаются с немцами.

- Что нужно сделать, чтобы поднять дух солдат, - спросил Родзянко.

- Сформировать женский добровольческий батальон, - ответила Бочкарева.

- Ваша идея великолепна, но нужно посоветоваться с Верховным главнокомандующим генералом Брусиловым.

Поехали в ставку. Алексей Алексеевич заинтересовался:

- Не осрамят ли женщины Россию? В мире еще не было женского батальона. Бочкарева заверила:

- Если Вы дадите мне большие полномочия и не будет комитетов - ручаюсь, мой батальон не осрамит Россию. На том и порешили.

Военный и Морской министр А. Ф. Керенский принял Бочкареву в Зимнем дворце. Пригласил к обеду и тоже дал согласие на формирование женского батальона имени Бочкаревой.

21 мая Бочкарева выступила перед собравшимися в Мариинском дворце женщинами с призывом:

“Гражданки, все, кому дороги свобода и счастье родины, спешите в наши ряды, спешите пока не поздно, остановить разложение дорогой нам родины. Непосредственным участием в военных действиях, не щадя жизни, мы, гражданки, должны поднять дух армии и просветительно-агитационной работой вызвать разумное понимание долга свободного гражданина перед родиной”.

На призыв откликнулось около двух тысяч петроградских женщин. Но возникли непредвиденные трудности. Некоторые солдаты требовали сохранить прически, интеллигентные особы жаловались на грубость Бочкаревой, раздававшей “фельдфебельские” оплеухи, но главное - в отряд уже проникли большевистские агитаторы, большая часть личного состава потребовала создать солдатский комитет и ввести самоуправление. Понимая, что такая “демократизация” сделает батальон небоеспособным, Бочкарева железной рукой навела порядок: приказала всех остричь наголо, а любительниц погулять и митинговать выгнала. У нее осталось 500 женщин. Но каких! Эти готовы были пойти за ней в самое пекло, мстить за мужей, погибших на фронте: “Смерть за смерть!”. Отсюда и столь мрачное название получило это небывалое в русской армии формирование: “Женский батальон смерти”.

Несколько позднее женские батальоны стали формироваться в Петрограде, Москве, некоторых крупных городах.

“Ни один народ в мире, - говорилось в одном из воззваний Московского женского союза, - не доходил до такого позора, чтобы вместо мужчин-дезертиров шли на фронт слабые женщины”.

А солдаты Бочкаревой - по две смены в день на плацу - изучали азы боевой подготовки.

“Как я волновалась на торжественном вручении знамени нашему батальону (1-й роте - В. В.), - вспоминала Бочкарева, - но изо всех старалась себя не выдать! В форме прапорщика, стоя на правом фланге, я думала, что все взоры устремлены на меня одну... При освящении знамя нашего батальона было прикрыто знаменем Союза Георгиевских кавалеров - как символ благословения героев войны грядущим героям. Под сень Георгиевского знамени я подошла и получила португеею, золотую саблю и револьвер. Обнажив саблю, я поцеловала ее и,

опустившись на колени, земно поклонилась делегатам Союза кавалеров. Петроградский архиепископ Вениамин и Уфимский епископ Андрей напутствовали наш батальон смерти образом Тихвинской Божией Матери. Свершилось, впереди фронт!"

23 июня 1917 года 1-я рота под командованием Марии Бочкаревой отправилась из Петрограда на Западный фронт и была причислена к 525-му пехотному полку. В Молодечно, где первоначально разместились женщины, они подверглись ночной "атаке" разнузданной русской солдатни. Пришлось для охраны барачков по ночам ставить сильный караул. Полковник В. И. Закржевский, в подчинении которого находилась эта рота, в донесении отмечал:

"Отряд Бочкаревой вел себя в бою героически... При атаке немцев, по своему почину, бросился, как один, в контратаку... команда смерти подавала пример храбрости, мужества и спокойствия, поднимала дух солдат..."

В ночь на 9-е июля у деревни Белой близ Сморгони бочкаревские женщины отважно пошли в атаку и заняли две линии немецких окопов. А "богатыри" трусили: одни вообще не вышли из окопов, другие, как только немцы открыли сильный артиллерийский огонь, убежали. Брошенные на произвол судьбы женщины, понесла большие потери, отступили. Контуженную Бочкареву без сознания вынесли с поля боя и отправили в петроградский госпиталь. Июльское наступление русской армии провалилось. Под влиянием большевиков, призывавших солдат превратить войну империалистическую в гражданскую, армия раскалывалась, разваливалась.

Во время очередного митинга, на котором Бочкареву называли "правой рукой и подружкой Корнилова", пришла весть: в Петрограде Временное правительство свергнуто большевиками. Выполняя приказ командующего Западным фронтом, женщины срочно отправились в Красное Село на поддержку Керенскому. Путь преградили эмиссары нового правительства. Бочкарева, понимая, какая участь ждет ее подчиненных, была вынуждена пойти на соглашение с ними. В лесу темной ночью женщинам выдали документы, чистое белье и... на все четыре стороны.

Прибывшую в Петроград Бочкареву арестовали. отобрали оружие, документы и, после семидневного пребывания в Петропавловской крепости, отпустили. По дороге домой в деревню Тутальскую (между Тайгой и Новониколаевском) около Челябинска большевики выбросили ее из вагона, и она повредила ногу.

7 января 1918 года неожиданная телеграмма председателя Георгиевского комитета генерала Аносова: "Приезжай. Ты нужна". - заставила Бочкареву покинуть родительский дом. Сняв погоны, она возвращается в столицу. По поручению Аносова Бочкарева поехала в Новочеркасск для установления нелегальной связи с командующим Добровольческой армией Лавром Корниловым. Корнилов направил ее в Америку просить помощи для борьбы против Советской власти. Но на станции Зверево Бочкареву, хотя она была в одежде сестры милосердия, узнали видевшие ее на фронте солдаты, арестовали и доставили в комендатуру. Ее хотели расстрелять, но случайно зашедший в комнату председатель следственной комиссии И. И. Петрухин, увидев арестованную, воскликнул:

- Яшка!

И заявил коллегам:

- Если расстреляете ее, расстреливайте и меня. Она на фронте спасла мне жизнь. Расстрел отменили, но из-под ареста не освободили - направили в Москву, в Бутырскую тюрьму. Два месяца наводили справки и за неимением улик освободили.

У американского и английского послов она получила 1000 рублей на дорогу и письмо к американскому консулу во Владивостоке. Из Владивостока Бочкарева с письмом к русскому послу в Америке Б. А. Бахметьеву, сопровождаемая поручиком Л. Г. Филипповым, американским послом Робенсом и сестрой Надеждой, отбыла за океан. В Нью-Йорке на вопрос журналиста о цели ее приезда в Америку, ответила:

- Я приехала сюда по делу чрезвычайной важности. В чем оно, сейчас не могу сказать, но о нем узнают через несколько дней. Одно я могу сказать, мне нужны деньги, пятьдесят тысяч! В Петрограде в больницах страдают тридцать женщин-инвалидов. Они единственные бесстрашные мои героини. Для них мне нужны эти деньги.

Гостья - дама-офицер с многочисленными боевыми наградами на груди - произвела фурор. Перед ней раскрылись двери высокопоставленных лиц. Несколько недель велась запись взволнованного рассказа Марии Леонтьевны. Ведущий "Столичный журнал" по частям печатал воспоминания Бочкаревой: "Яшка" с подзаголовком "Моя жизнь крестьянкой, офицером и ссыльной". Публикация имела огромный успех. В 1919 году в Америке и Англии выпустили "Яшку" в свет, а затем во Франции и Испании.

В Вашингтоне Мария Леонтьевна нанесла визит Госсекретарю Лансингу и Военному министру Беккеру, а 10-го июля 1918 года получила аудиенцию у Президента Соединенных Штатов. Начало беседы, проходившей через переводчика, не вызвало у Вильсона большого интереса. И вдруг женщина опустилась на колени и, простирая к нему руки, стала страстно, с постоянно меняющимся выражением лица говорить о страдающем от большевистского террора и голода русском народе, о необходимости оказать ему экономическую и военную помощь, о непоколебимой верности союзническому долгу. Зрелище было столь впечатляющим, что Президент, вытирая мокрые от слез щеки, обещал поддержку.

На обратном пути в Россию Бочкарева посетила Англию. Встретилась с британским Военным министром. В середине августа 1918 года ее принял король Георг V.

“Он имел большое сходство с царем Николаем II, - вспоминает Мария Леонтьевна... - Он мне сказал, что очень рад видеть вторую Жанну де Арк и как друг России приветствую Вас, как женщину, которая многое сделала для России. Я в ответ ему сказала, что я считаю за великое счастье видеть короля свободной Англии... Король спросил, к какой партии я принадлежу и кому верю: я сказала, что ни к какой не принадлежу, а верю только генералу Корнилову. Король мне сказал новость, что Корнилов убит; я сказала королю, что я не знаю кому теперь верить, и в гражданскую войну я воевать не думаю. Король мне сказал: “Вы русский офицер”, я ему ответила, что да; король тогда сказал, что “Ваш прямой долг через четыре дня поехать в Россию, в Архангельск, и я надеюсь на Вас, что Вы будете работать”. Я сказала королю Англии: “Слушаюсь!”

27 августа 1918 года на американском транспорте вместе с солдатами Мария Бочкарева прибыла в Архангельск и спустя два дня выступила на митинге на Соборной площади. В сентябре - опубликовала воззвание, призвала северян вместе с союзниками спасти Россию “от германского ига”. Однако встреча Бочкаревой с генералом-губернатором и командующим местными белыми войсками А. А. Марушевским, предложившим ей сформировать мужскую “добровольческую ячейку”, закончилась конфликтом. Отказавшись выполнить приказ генерала и не встретив поддержки в создании женских отрядов, Бочкарева “пошла в народ”. Но митинги, на которых она агитировала крестьянок записываться в женский отряд, заканчивались угрозой. Крестьяне говорили: “Если она явится вторично, то ее убьют”. И деятельная

Бочкарева отправилась в Шенкурск, где находился штаб союзных войск.

Офицеры-иностранцы смотрели на русскую женщину с мужским лицом и военной выправкой, поседевшую к тридцати годам, как на дикарку. "Почему ее называют мадам?" - удивлялся британский лейтенант. А некий американский офицер в воспоминаниях изобразил Бочкареву в облике страшной русской медведицы.

Эмоциональные рассказы Бочкаревой о "страдающей Родине", сопровождаемые демонстрацией своих шрамов и ранений, союзникам уже поднадоели. От досады и вынужденного безделья Бочкарева много курила, пила.

Наконец она получила аудиенцию у командующего вооруженными силами союзников на севере У. Э. Аронсайда. Британский генерал посочувствовал "романтической" даме и направил ее к генералу В. В. Марушевскому для назначения в Архангельск. Она явилась к нему в офицерской форме кавказского образца, представив поручика Филиппова, как своего адъютанта.

27 декабря 1918 года Марушевский подписал приказ № 100, заканчивающийся словами:

"Г-жа Бочкарева предложила мне свои услуги в работе по организации армии... полагаю, что привлечение женщин к военным обязанностям, несвойственным их полу, лежало бы тяжким укором и позорным клеймом на всем населении Северной области. Предлагаю г-же Бочкаревой снять военную форменную одежду..."

После решительного протеста поручик Бочкарева получила право, числясь в резерве, носить военную форму и погоны, иметь оклад 750 рублей в месяц.

10 августа 1919 года из Архангельска в Сибирь отбыл караван с военным грузом для армии Колчака. На борту парохода "Колгуев" находилась Бочкарева, которой был предоставлен бесплатный проезд до Томска и выдано 1000 рублей.

В Томске, не имея денег снять комнату, Мария Леонтьевна приютилась в кухне своей сестры с привезенными из Тутальской родителями. С ней жил муж Бочкарев. Под ударами Красной Армии армия Колчака откатывалась на восток. Родственники убеждали Марию Леонтьевну, что она заблуждается, поддерживая белых. Это обстоятельство и болезнь - следствие четырех ранений и контузии - побудили ее отправиться в Омск

- резиденцию Верховного Правителя Российского государства А. В. Колчака, просить отставку и пенсию.

10 ноября 1919 года адмирал принял Бочкареву в своем доме в присутствии командующего добровольческими отрядами генерала Голицына.

- Вы просите отставку, - сказал Александр Васильевич. - У нас много тифозных и раненых, а ухаживать за ними не хватает рук. Предлагаю Вам сформировать женский добровольческий санитарный отряд имени поручика Бочкаревой.

- Слушаюсь! - вытянулась Бочкарева.

На другой день в Омске были расклеены афиши, призывавшие записаться в отряд Бочкаревой. За два дня она сформировала отряд в 200 человек и пошла к генералу Голицыну получить для отряда обещанные 200 тысяч рублей.

Но ни Голицына, ни Колчака в Омске уже не было - бежали в Новониколаевск (Новосибирск). Возмущенная Бочкарева бросилась вдогонку просить об отставке. На одной из станций увидела поезд "Верховного", но Колчак не принял ее. Разочарованная Бочкарева возвращается в Томск. Через пять дней в город вошли красные. Бочкарева явилась к коменданту Томска, сдала револьвер, рассказала о себе и предложила свои услуги Советской власти. Взяв подписку о невыезде из города, ее отпустили. Мария Леонтьевна занялась шитьем солдатских шинелей. В ночь на 7 января 1920 года ее арестовали, посадили в Томскую тюрьму, затем перевели в Красноярск. На допросе Бочкарева заявила: "Виновной перед Советской республикой себя признаю..." Этого было уже достаточно, чтобы решить: "Преступная деятельность Бочкаревой перед РСФСР следствием доказана".

15 мая 1920 года в деле Бочкаревой появилось написанное безграмотной рукой страшное слово: "...РАЗСТРЕЛЯТ". Под ним подпись начальника особого отдела ВЧК при 5-й армии Павлуновского и его коллеги Шимановского. "Исполнено пост. 16 мая" - гласит приписка синим карандашом на старой обложке уголовного дела № 796.

...9 января 1992 года Мария Леонтьевна Бочкарева была полностью реабилитирована.

Содержание.

Предисловие	3
Константин Авксентьевский	5
Мария Бочкарева	43

Прапорщик русской армии К. А. Авксентьевский с женой Лидией Дмитриевной и дочерью Галиной. 1916 год.

Константин Алексеевич с матерью Анной Дмитриевной и братьями Александром Алексеевичем и Дмитрием Алексеевичем. Ташкент. 1926 год.

К. А. Авксентьевский. 1929 год.